Семен РАИЧ

1792, с. Рай-Высокое Орловской губернии – 1855, Москва

Перекати-поле

Ветер осенний набежал
На Херсонски степй
И с родной межи сорвал
Перекати-поле.

Мчится ветер по степям
И на легких крыльях
Мчит чрез межи по полям
Перекати-поле.

Минул полдень, и уже
Солнце погасало;
Ветер оставил на меже
Перекати-поле.

И, объято тишиной
Наступившей ночи,
Думу думает с собой
Перекати-поле:

«Тяжело быть сиротой!
Горько жить в чужбине!
Ах, что станется с тобой,
Перекати-поле?»

Вот проснулся ветерок
После полуночи,

Глядь – и видит огонек
Перекати-поле.

«Дунь и прямо к огоньку
Принеси сиротку!» –
Говорила ветерку
Перекати-поле.

«Сдунь меня с межи чужой!
Брат твой – ветер буйный –
Разлучил с родной межой
Перекати-поле!

Что же мыкать мне тоску
Вчуже, без приюту?
Мчи скорее к огоньку
Перекати-поле!»

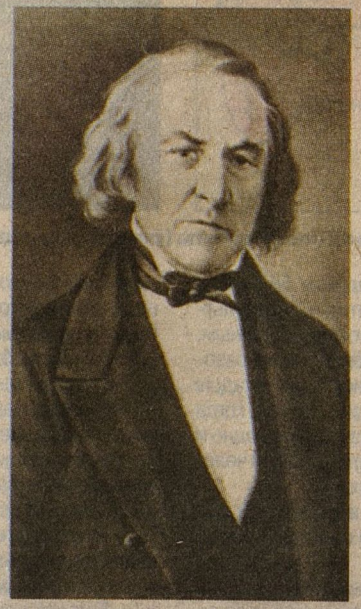
Вспорхнул легкий ветерок,
Пролетел полстепи
И примчал пред огонек
Перекати-поле...

И пригрел уж огонек
Трепетну сиротку,
И слился в один поток
С перекати-полем.

В бесприютной стороне,
Без отрады сердцу,
Долго ль мыкаться и мне
Перекати-полем?

<1825>

В Херсонских и других степях южной России есть трава statice maritima L. Тамошние жители называют ее «перекати-поле» – вероятно, потому, что, оторванная в осень ветром от корня своего, она катится по полям, пока не встретит препятствия или не набежит на огонек, раскладываемый кочующими чабанами.



Пушкинское «Собрание насекомых» было напечатано в альманахе «Подснежник» в апреле 1830 года без фамилий, лишь со звездочками, указывающими на количество слогов. Читателям предлагалось подставлять подходящие фамилии на место звездочек. Самая популярная расшифровка принадлежит историку М.П. Погодину:

Вот Глинка – божия коровка,
Вот Каченовский – злой паук,
Вот и Свиньин – российский жук,
Вот Олин – черная мурашка,
Вот Раич – мелкая букашка.

В этой иерархии Семен Раич оказался не только последним, но и сугубо неприметным.

Он сын священника, семинарист, избежавший духовного звания лишь благодаря медицинскому подтверждению прирожденной болезненности. Тем не менее нашел в себе силы пройти полный курс Московского университета сначала по этико-политическому, а затем еще и по словесному отделению. Около семи лет (с перерывами) прожил в доме Тютчевых в качестве наставника будущего поэта. Четыре года преподавал словесность в Университетском благородном пансионе, где среди его учеников был юный Лермонтов.

С 1823 года до конца лета 1825-го по четвергам в доме Раича собирался небольшой литературный кружок. Спорили об эстетике, читали собственные стихи и переводы уже упомянутые Погодин и Тютчев, а также Михаил Дмитриев, Владимир Одоевский, Степан Шевырев, Дмитрий Ознобишин и другие. Год, с августа 1825-го по август 1826-го, Раич провел на Украине. И хотя во время следствия по делу декабристов выяснилось, что он был членом Союза благоденствия, наказывать его не стали, так как после распада общества в 1821 году никакого политического умысла в его поведении обнаружить не удалось. В поэме «Арета», напечатанной только в 1849 году, Раич зашифровал свою декабристскую историю.

В 1828–1830 годах издавал журнал «Галатея». Восхищался Жуковским, Дмитрием Веневитиновым, Андреем Подолинским, к Пушкину относился скептически. Перевел поэму «Освобожденный Иерусалим» Тассо и двадцать семь песен из сорока шести «Неистового Орланда» Ариосто.

Букашки

Однажды Пушкин –
не со зла,
играючи,
букашкою назвал
Семена Раича,
хотя в черновике
не слишком вдумчиво
сначала он поставил
имя Тютчева.
Стих тютчевский
потом перечитнул
и мягко имя он перечеркнул.

Мы в недостатках Пушкина –
все Пушкины,
но гениальность
все-таки в другом.
Любая живность
на Парнас допущена,
и грех
давить букашек сапогом.
И обожаю я коровку божию,
когда, чтобы добыть
хлебца с высот,
как будто бы в степи
по бездорожию,
по линиям судьбы она ползет.

Е.Е.

Раич Семен